

На правах рукописи

ШУМКИНА ИННА ВИКТОРОВНА

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЦИТАТ ИЗ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ
В ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

10.02.01 — русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Самара — 2011

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Самарский государственный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Скобликова Елена Сергеевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Плотникова Анна Михайловна

кандидат филологических наук, доцент
Темникова Наталья Юрьевна

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Ставропольский
государственный педагогический институт»

Защита диссертации состоится 23 июня 2011 года в ___ ч. на заседании диссертационного совета Д 212.218.07 при ГОУ ВПО «Самарский государственный университет» по адресу: 443011 г. Самара, ул. Ак. Павлова, 1, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Самарский государственный университет».

Автореферат разослан ___ мая 2011 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Карпенко Г. Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современный коммуникативно-прагматический подход к языку направлен на решение большого круга проблем, связанных с порождением высказывания и его интерпретацией. Одной из таких проблем является взаимодействие в высказывании *своего* и *чужого*. Среди исследований в данной области особое место занимают работы, посвящённые выявлению источников интертекстуальных фрагментов (см. статьи Е. А. Земской, А. Е. Супруна, М. А. Ковшовой, кандидатские диссертации Д. А. Качаева, О. В. Фокиной, Е. П. Черногрудовой, Н. В. Татариновой, О. С. Боярских и других).

В настоящем диссертационном исследовании в качестве самостоятельного источника чужого слова мы рассматриваем тексты авторской песни. Данный выбор связан с особой значимостью этого явления для современной русской культуры. В своей работе мы обращаемся к авторской песне, как *культурно-историческому явлению, которое не только зафиксировало опыт определённого периода нашей страны (советской действительности), но и отразилось (и продолжает отражаться) в языке и коммуникации*. Наиболее ярко и наглядно такое «отражение» демонстрируют активно функционирующие в газетной публицистике цитаты и устойчивые крылатые выражения, источником которых стала авторская песня.

Объектом исследования являются тексты авторской песни, выступающие в качестве источника чужого слова в газетно-публицистических текстах конца XX – начала XXI вв. В качестве **предмета исследования** выступают социокультурные, функционально-семантические, стилистические особенности использования фрагментов авторской песни.

В своей работе мы обращаемся в основном к цитированию трёх авторов-исполнителей — Б. Окуджавы, В. Высоцкого и А. Галича, что связано с их ведущей ролью в становлении авторской песни как культурного явления. Кроме того, анализируется функционирование популярного фрагмента песни Ю. Визбора.

Источниками фактического материала послужили различные по жанровой принадлежности и общественно-политической окраске газетно-публицистические тексты, опубликованные в высокотиражных общероссийских и региональных изданиях. Всего было рассмотрено более 6000 текстов, в которых употреблены более 1200 фрагментов из 324 песен Окуджавы, Высоцкого, Галича, а также Визбора.

В качестве **материала исследования** нами было использовано несколько крупных источников, что, с одной стороны, позволило оценить материал в разных аспектах, а с другой — обеспечило достоверность сделанных выводов (хотя мы не претендуем на их исчерпывающий характер). Мы обработали **семь коллекций журнально-газетных вырезок** — частных и музейных. Для определения частоты встречаемости цитат нами совместно с И. А. Некрасовым была произведена **сплошная выборка фраз Высоцкого и Окуджавы в заголовках двух еженедельных газет** («Труд-7» и «Вечерний Оренбург» за 1996–2001 и

2007 гг.). Привлекались *данные электронной базы «Пресса 1995–2002»* и *Интернета*.

Новизна нашей **работы** заключается в том, что в ней впервые на большом фактическом материале представлена попытка комплексного рассмотрения цитирования в современной газетно-публицистической речи текстов песен трёх ведущих авторов-исполнителей. Обобщение обширных материалов позволило сопоставлять между собой интертекстуальные и функциональные возможности строчек из песен разных поэтов.

В исследовании детально разрабатываются аспекты, которые были лишь намечены или отчасти затронуты в предыдущих работах в отношении лишь отдельных поэтов (в статьях С. Г. Шулежковой, Р. Р. Чайковского, А. Е. Крылова, С. В. Вдовина и О. А. Семенюка). Нами выявляются ядро и периферия цитирования; мотивы обращения к фрагментам авторской песни; композиционная роль фраз в первоисточнике и в газетно-журнальных текстах; возможности текстового использования; семантические и структурные преобразования фрагментов авторской песни.

Кроме того, впервые рассматриваются такие вопросы, как: социокультурная интерпретация фрагментов авторской песни в публикациях; образ поэта в речевой культуре; влияние идиостиля поэта на характер проникновения его строчек в речевую культуру; риторические характеристики и стилистическое звучание фраз поэтов в современных текстах; их коммуникативно-прагматический потенциал.

Актуальность работы связана с популярностью цитат из авторской песни в прессе конца XX – начала XXI вв., что свидетельствует об их значимости для современной русской культуры. Характеристика цитат и анализ их риторических возможностей позволят развить и уточнить ряд положений коммуникативно-прагматической теории. Процесс фразеологизации текстов авторской песни в какой-то мере даёт возможность проследить на нашем материале путь от цитаты к фразеологизму, что актуально для фразеологической науки в целом.

Цель работы — исследование песенной поэзии 1950–1980-х годов как источника чужого слова в современном социокультурном контексте.

Достижение поставленной цели предполагает решение **следующих задач**:

- рассмотреть и проанализировать существующие концепции межтекстового взаимодействия и основные способы актуализации чужого слова;
- рассмотреть основные проблемы использования чужого слова в современной публицистике;
- выделить ядро цитирования среди фрагментов текстов авторской песни и определить мотивы обращения к ним в прессе;
- охарактеризовать многообразные проявления диалогичности в процессе цитирования текстов авторской песни и их восприятие читателем;

— определить, каким семантико-стилистическим и структурным преобразованиям подвергаются фрагменты авторской песни в прессе и какова коммуникативно-стилистическая роль этих преобразований.

Методы исследования. Для решения поставленных задач в работе используются следующие методы исследования: синхронно-описательный метод, реализованный в разных приёмах (наблюдение, классификация, обобщение и количественная характеристика), интерпретативный, компонентный и контекстуальный анализ цитатного комплекса и его текстового окружения для выявления особенностей функционирования текстов авторской песни.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно способствует:

— осмыслению наследия, которое песенная поэзия 50–80-х гг. XX века оставила в языке и речи;

— решению проблемных вопросов фразеологической науки;

— развитию коммуникативно-прагматической лингвистики и уточнению её категориального аппарата.

Полученные результаты продемонстрируют, на наш взгляд, перспективы междисциплинарного филологического поиска, позволяя внести новые знания в развитие лингвокультурологии, социолингвистики и психолингвистики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при разработке лекционных курсов по русской фразеологии, лингвокультурологии и теории коммуникации; в спецкурсе по языку газеты в вузах. Материалы исследования могут быть использованы в лексикографической практике.

Положения, выносимые на защиту диссертационной работы:

1. Авторская песня является одним из активно используемых источников чужого слова в газетной и журнальной публицистике конца XX – начала XXI вв. Цитаты и крылатые выражения из песен Окуджавы, Высоцкого, Галича, Визбора выступают в качестве средства оценки социокультурных и политических явлений прошлого и настоящего и являются одним из популярных способов воздействия на читателя.

2. Среди цитат и крылатых выражений трёх ведущих авторов-исполнителей в прессе наиболее распространены фразы Высоцкого, что объясняется многогранностью его творчества и национально-культурным колоритом его песен. Меньшая востребованность фрагментов песен Окуджавы и Галича в прессе связана с ограниченным составом аудитории данных поэтов (круг слушателей Окуджавы ограничивался интеллигенцией, ограничение состава слушателей Галича, кроме того, связано с запретом его творчества).

3. Обращение журналистов к текстам авторской песни во многом обусловлено их исторической и культурной значимостью, связанной с тем, что в песнях зафиксированы и описаны многие явления советской действительности — от конкретных имён и названий до типичных ситуаций. Песни поэтов выступают, с одной стороны, в качестве исторического источника, а с другой — в качестве текстов-интерпретативов, с которыми журналисты осуществ-

ляют диалог. Благодаря этому усложняется характер диалогических отношений в прессе: многосторонняя направленность диалога превращает его в своеобразный «полилог» между читателем, журналистом, текстом песни (и его автором) и описываемым событием.

4. Популярность текстов авторской песни объясняется формальным и стилистическим факторами. Песенная форма источника обуславливает запоминание определённых фрагментов текста — рефренов, зачинов и концовок, кульминационных в мелодическом отношении строк. В стилистическом плане цитатам из текстов авторской песни присущи, с одной стороны, афористичность и императивность, а с другой — разные возможности эмоционального и стилевого звучания — от лирико-поэтической окрашенности до разговорно-просторечного и ироничного характера. Сочетание данных факторов во многом обеспечивает дискурсивную многозначность цитат.

5. В публицистической речи цитаты из авторской песни подвергаются различного рода преобразованиям — переосмыслению, изменению компонентного состава и эмоционально-экспрессивного звучания. В основе таких преобразований часто лежит языковая игра, представленная на всех языковых уровнях — фонетическом, графическом, лексическом, фразеологическом, грамматическом, стилистическом. Обыгрываться может и стихотворная форма источника.

6. Наиболее распространёнными видами трансформаций являются буквализация и лексические замены, которые приводят к серийности воспроизведения фразы, в некоторых случаях свидетельствующей о превращении соответствующих выражений в своеобразные фразеосхемы.

7. Цитаты и крылатые выражения из авторской песни способствуют передаче многообразных стилистических оттенков публицистической речи — от высокого до сниженного, от лирического до иронического «звучания» газетно-журнального текста. При этом сами фрагменты *чужого* слова претерпевают семантико-стилистические деформации, которые выражаются в смене исходной эмоционально-экспрессивной тональности.

Структура работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка цитируемой литературы и двух приложений. Общий объём работы составил 192 страницы. Список цитируемой литературы включает 207 позиций.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования отражены в 15 опубликованных работах, а также были представлены в докладах на следующих научных конференциях: пять итоговых научных конференций преподавателей СамГУ (Самара, 2007–2011 гг.); международная научная конференция «Скрытые смыслы в языке и коммуникации» (Москва, 2006 г.); международная научная конференция «Творчество В. Высоцкого: итоги и перспективы развития» (Воронеж, 2007 г.); научная конференция молодых учёных «Булат Окуджава: проблемы жизни и творчества» (Москва, 2008 г.); международная научная конференция «Язык — текст — дискурс: традиции и новации» (Самара, 2009 г.); международная научная конференция «Новое о В. Высоцком» (Воронеж, 2009 г.); международная научная конференция «Язык

и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» (Ульяновск, 2009 г.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования; определяются его объект и предмет, цели и задачи; описываются теоретические основы исследования; характеризуются его методы; раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость; формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Проблемы изучения чужого слова в современной филологии» посвящена теоретическому обзору проблем чужого слова в современной филологии. Рассматриваются философская основа идей чужого слова (в частности — теория диалога М. М. Бахтина); основные концепции межтекстового взаимодействия и способы его актуализации; вопросы функционирования чужого слова в современной публицистике.

К настоящему времени накопилось достаточно большое количество подходов к феномену чужого слова, но ни один из них не признаётся единственно верным или хотя бы основным. Так, проблема межтекстового взаимодействия нашла отражение в следующих терминологических обозначениях: *интертекст* и *интертекстуальность* (Ю. Кристева, Р. Барт, М. Риффатер, Ж. Женетт, Н. Пьеге-Гро, Н. А. Кузьмина, Г. В. Денисова, В. Е. Чернявская и др.); *прецедентный текст* и *прецедентные феномены* (Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Г. Г. Слышкин, Е. А. Нахимова и др.); *пресуппозиция* и *фоновые знания* (Н. Д. Арутюнова, И. М. Шеина и др.), *вертикальный контекст* (О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет), *логоэпистема* (В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова).

Разные **концепции межтекстового взаимодействия**, на наш взгляд, объединяются двумя основными идеями. Первая заключается в признании наличия некоего культурного универсума — интертекстуальной «энциклопедии», вертикального контекста, фонда общих знаний, пресуппозитивной базы, универсального когнитивного пространства. Появляясь в данном универсуме, высказывание «обрастает» различными социокультурными ассоциациями. Вторая идея связана со знаковым и диалогическим характером единиц данного универсума (интертекстом, логоэпистем, культурем, прецедентных феноменов и др.). Наделение смыслом данных явлений в конкретном контекстном окружении осуществляется не только за счёт говорящего, но и за счёт слушающего / читающего.

В самих обозначениях чужого слова в филологии, на наш взгляд, акцентируются его разные свойства. Термин *интертекстуальность* и *интертекст* указывает на связь (двух и более) текстов; *прецедентность* и *прецедентный текст* — на ассоциативный потенциал, что достигается за счёт широкой известности; *логоэпистема* — на культурную ценность. Все эти обозначения дополняют друг друга, характеризуя чужое слово с разных сторон. Таким образом, *чужое слово предстаёт как интертекстуальный фрагмент, характери-*

зующийся разной степенью прецедентности и передающий информацию социокультурного характера.

Существует достаточно большое количество терминов, характеризующих **виды межтекстовых связей**. К основным можно отнести понятия: *цитата*, *аллюзия* и *реминисценция*. Однако данные термины не имеют общепринятых дефиниций, неясными оказываются их родо-видовые отношения. Результаты нашего анализа разных подходов к этим понятиям мы представили в таблице (с. 9).

Разграничение видов чужого слова, на наш взгляд, затрагивает разные текстовые и языковые свойства данного явления. Термин *цитата* характеризует чужое слово с формальной точки зрения — выдержка из текста, включение в текст; *аллюзия* и *реминисценция* указывают на его выразительные качества — намёк, отсылка, ассоциативный характер, с одной стороны, а с другой — яркость, образность, узнаваемость. Среди данных терминов за основной в настоящей работе мы принимаем термин *цитата*, что во многом связано с определением статуса исследуемых нами фрагментов, а именно — с разграничением цитат и крылатых выражений. Многократное использование какого-либо фрагмента текста в качестве цитаты в различных текстах превращает его в крылатое выражение. Крылатым выражениям присущи те выразительные качества, которыми наделяются в исследовательской литературе *аллюзия* и *реминисценция*. Фактически *крылатые выражения* и *реминисценции* выступают как синонимичные понятия, а отличие *крылатых выражений* и *аллюзий* можно видеть в их принадлежности: крылатое выражения является единицей речи и языка, а аллюзия — конкретного текста.

Использование чужого слова характерно для разных типов дискурсов, но в настоящее время особенно обращает на себя внимание его функционирование в газетно-публицистических текстах. **Диалогический характер языка современной публицистики** определяют функциональная направленность СМИ, социально-политическая обстановка (демократизация общества) и влияние постмодернистской техники письма. В научной литературе подробно рассматриваются источники интертекстем в СМИ, их функциональная нагрузка и трансформационный потенциал (см. монографии С. И. Сметаниной, В. В. Варченко, О. В. Лисоченко, Е. А. Козицкой; работы Е. А. Земской, Г. Ф. Рахимкуловой; многочисленные диссертации последних лет).

Пристальное внимание к текстам СМИ связано с их особой значимостью для жизни современного общества: в газетно-публицистических текстах находят отражение важные для социума культурные и политические события. Язык средств массовой информации «выступает как представитель национального языка, как язык, своими усреднёнными значениями объединяющий нацию» (Г. Я. Солганик). Соответственно, распространение в СМИ определённых интертекстуальных фрагментов свидетельствует о значимости данных фрагментов и их источников для культуры, для нации в целом. Поэтому рассмотрение социокультурных условий функционирования фрагментов авторской песни составляет один из важнейших аспектов нашей работы.

Виды чужого слова и их характеристики

Виды чужого слова Характеристики	цитата (уницитата), аллюзия, реминисценция (интертекстемы) <i>широкое понимание</i>				
	цитата <i>узкое понимание</i> (артоцитата)		аппликация (скрытая цитата)	аллюзия <i>узкое понимание</i> (аллюзивное цитирование, квазицитата)	реминисценция <i>узкое понимание</i>
	прямое цитирование	косвенное цитирование (пересказ)			
Тип источника	текстовый			текстовый и внетекстовый	
Прецедентность источника	не обязательна		обязательно прецедентный источник		
Ссылка на источник	прямая		имплицитная	ассоциативная	имплицитная или ассоциативная
Форма воспроизведения источника	точная	трансформация формы	точная	трансформация формы и содержания	точная или трансформированная
Характер трансформации	—	неигровой характер	—	игровой характер	
Длина заимствуемого фрагмента	не ограничена			слово, словосочетание	не ограничена
Графическое выделение	обязательно	отсутствует		возможно	
Осознанность употребления	всегда осознанны				возможно неосознанное, ненамеренное употребление
Степень зависимости от читателя	низкая степень зависимости от читателя		высокая степень зависимости от читателя		

Во второй главе «Характеристика состава цитат и крылатых выражений из текстов авторской песни» выделяется «ядро» цитирования; исследуются социокультурные и языковые мотивы обращения к текстам авторской песни в прессе конца XX – начала XXI вв.; уточняется характер диалогических отношений в журнально-газетных текстах, включающих фрагменты песен авторов-исполнителей.

Проведённое исследование показало, что в современной российской прессе используется свыше 1200 фрагментов текстов Окуджавы, Высоцкого и Галича. Об активности функционирования фрагментов песен свидетельствует количество зафиксированных употреблений — более **6 000** контекстов. Материал позволил выявить **ядро цитирования**, в котором представлено **117** фраз из песен Высоцкого, **53** строки Окуджавы, **40** фраз Галича. В ядро цитирования мы включили также **3** строки из популярного припева Визбора. Строки, относящиеся к ядру цитирования, фактически вошли в русскую речь (и язык) в качестве крылатых единиц, о чём свидетельствует их воспроизводимость (от 10 до 180 контекстов употребления) и узнаваемость со стороны читателя. Отметим, что в современных словарях крылатых выражений нами обнаружено по 50 строк Высоцкого и Окуджавы и только две фразы Галича. Таким образом, полученные нами результаты дают возможность существенно расширить данные лексикографических работ.

Широкому функционированию фрагментов песен Окуджавы, Высоцкого и Галича способствуют несколько факторов. Прежде всего, это **факторы социокультурного характера**. Популярность авторской песни во многом объясняется её обращённостью к массовому слушателю (несмотря на неофициальное — в прошлом — распространение) и «протестным» содержанием текстов. Кроме того, на распространённость авторской песни влияет и её специфика как социокультурного явления: новизна «жанра», который сформировался во второй половине XX века; интимно-личностная манера исполнения; национально-культурное своеобразие.

Особая роль социокультурного фактора отражается также в том, что при обращении к текстам авторской песни на первый план выступает их историческая и культурная значимость. В песнях поэтов представлены многие явления советской действительности — имена, названия, ситуации. Так, в книге «Наш советский новояз» (М., 2005), посвящённой ключевым словам и образам эпохи, публицист Б. Сарнов, чтобы объяснить и описать такой факт советской культуры как собрание, обращается к цитированию песни Галича про **товарищ Парамонову** («Красный треугольник»). В газетных публикациях также отмечается «историографический» талант Галича, проявившийся в данной песне, ср.: *«И в каждом парткоме и месткоме был филиал оруэлловского Министерства любви. “У них первый был вопрос: ‘Свободу Африке!’ А потом уж про меня, в части ‘разное...’”*. И бесконечно по этому записанному Галичем сценарию слушались персональные дела» (Моск. новости. 1991).

Неоднократно используются в газетных и журнальных публикациях строки *Ах, Арбат, мой Арбат; На Тверском бульваре* (Окуджава); *Наш поезд*

уходит в Освенцим; А по праздникам — кино с Целиковской (Галич); *Открыт закрытый порт Владивосток; Ей сам Марсель Марсо чегой-то говорил; За тех, кто в МУРе* (Высоцкий) — публикации посвящены соответственно известным улицам, актрисе, городу и др. Разные строчки из песни «Памяти Пастернака» Галича практически всегда появляются в материалах об этом поэте, а фразы из песни «Когда я вернусь» — часто используются в статьях, посвящённых о. Александру Меню, образ церкви которого поэт запечатлел в своём тексте. В публикациях о *гостинице «Советской»* или (*синем*) *троллейбусе* используются фразы из песен Высоцкого и Окуджавы.

К исторически и культурно значимым следует отнести и военные песни поэтов-исполнителей. Несмотря на то, что в этих песнях не всегда представлен конкретный исторический материал (особенно это касается текстов Окуджавы), для большинства они соотносятся с конкретной Отечественной войной 1941–1945 годов, что подтверждает и цитирование этих песен в материалах, ей посвящённых. Так, в следующем фрагменте представлены цитаты сразу двух авторов — Окуджавы и Высоцкого: *«Здесь выросло предвоенное поколение Валентовых. Следующее поколение народил лишь Пётр. А сколько продолжателей рода могло бы появиться еще? “Ах, война, что ты, подлая, сделала?” “Всё теперь одному, только кажется мне: это я не вернулся из боя...” Сколько душераздирающих песен написано про Великую Отечественную, и какую строчку ни возьми — она будто про эту семью»* (Златоуст. рабочий. 2000).

Цитаты из военных песен бардов остаются актуальными на протяжении всей российской истории XX и начала XXI веков. Фразы *Ах война, что ж ты сделала, подлая* Окуджавы и *На братских могилах не ставят крестов* Высоцкого неоднократно встретились нам в качестве заголовков в материалах, посвящённых афганской и чеченской войнам.

Обращение прессы рубежа XX–XXI вв. к цитатам Высоцкого и Галича во многом отражает тягу журналистов этого периода к сенсационным, ранее запретным темам. О востребованности в современной публицистике и значимости для неё текстов с социально-политической окраской свидетельствуют сами журналисты, в ремарках которых отмечается провидческий, пророческий характер песен поэтов и их актуальность в настоящее время, ср.: *«Видимо, ещё очень нескоро в России станет неактуален поэт и бард Александр Галич, давно описавший похожие ситуации: “Мы-то знаем — надёжней молчание, потому что молчание — золото”»* (Наша газ. Кемерово, 2008).

Выступая в качестве исторического источника, тексты авторской песни, с одной стороны, обеспечивают экономию языковых средств (не надо пересказывать всю ситуацию, стоит привести только несколько строчек). С другой стороны, мысль журналиста углубляется за счёт того, что исторический факт в песнях не только зафиксирован, но и интерпретирован. Воспроизводимость текстов в речи, вызванная их социокультурной значимостью, в дальнейшем обеспечивает их дискурсивную многозначность — возможность использования в тематически сходных материалах (например, фразы из военных песен об Отечественной войне — в статьях о других войнах).

Широкому распространению и дискурсивной многозначности фрагментов авторской песни в речевой практике способствует и **лингвистический фактор**, связанный с языковыми качествами фраз, определяющими стилистическую (и шире — риторическую) привлекательность и популярность данных единиц.

Прежде всего, обращает на себя внимание афористический характер строчек Окуджавы, Высоцкого и Галича. Такие фразы, как: *Пряников сладких всегда не хватает на всех; Дураки обожают собираться в стаю; Настоящих людей так немного* (Окуджава); *Если хилый — сразу в гроб; Настоящих буйных мало; Гадость пьют из экономии; Не всё то, что сверху, от Бога; Жираф большой — ему видней; Лучше гор могут быть только горы* (Высоцкий); *Движенье направо начинается с левой ноги; А молчаливники вышли в начальники* (Галич) и др. — объединяет обобщающая, вневременная семантика. Примечательно, что журналисты нередко обращаются к строкам поэтов, изначально построенным на каких-либо фразеологических единицах — *Пророков нет в отечестве своём* (Высоцкий) или *Потому что молчание — золото* (Галич).

Другим языковым качеством строчек из авторской песни часто является их императивность. Источником большого количества выражений-лозунгов, как показало наше исследование, стали, несмотря на их лирические интонации, песни Окуджавы, из которых в русскую речь пришли *Возьмёмся за руки, друзья!; Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтётся!; Давайте говорить друг другу комплименты!; Бери шинель, пошли домой; Не обещайте деве юной любви вечной на земле; Не оставляйте стараний, маэстро* и многие другие строчки. Социокультурную значимость названных фраз поэта во многом отражают комментарии журналистов к ним, в которых строки Окуджавы часто называются *призывом, формулой, советом, принципом*, а также *девизом, гимном, заветом, набатом, символом XX века*.

Фрагментам из песен Окуджавы, Высоцкого и Галича присущи разные возможности эмоционального и стилевого звучания — от лирико-поэтической окрашенности до разговорно-просторечной и ироничной.

Некоторые строчки, во многом отражая идиостиль поэтов, указывают на разнообразные черты человеческого характера: с одной стороны, лиричность и романтичность во фразах Окуджавы *Виноградную косточку в тёплую землю зарю; Я гляжу на фотокарточку* или Галича *Когда я вернусь*, а с другой стороны — решительность и жёсткость в строках Высоцкого *Я себе уже всё доказал; Я дышу — и, значит, я люблю!; Я не люблю, когда мне лезут в душу*. Персонализированный характер строчек поэтов, который был противопоставлен обезличенным, казённым формулам и тем самым изначально привлекал слушателей, в современных публикациях способствует диалогизации высказывания.

Диалогизации высказывания способствует и разговорно-просторечная окрашенность многих фраз поэтов — *Где деньги, Зин?; Какой ни есть, а всё ж родня; Уколоться и забыться; Мы нужны в Париже*,

как в бане пассатижи (Высоцкий); *За что ж вы Ваньку-то Морозова?*; *Дураки обожают собираться в стаю*; *На дурака не нужен нож* (Окуджава); *А из зала мне кричат — Давай подробности!*; *Шизофреники вяжут веники*; *Это гады-физики на пари / Раскрутили шарик наоборот*; *Парад уродов* (Галлич). Популярность подобных строчек в прессе отражает во многом тот процесс разговорного опрощения и даже вульгаризации, который наблюдается в речи конца XX – начала XXI вв. Неистощимый источник разговорных выражений для прессы рубежа XX–XXI вв. представляет собой творчество Высоцкого. Так, универсальными по своему содержанию и форме являются фразы поэта *Страшно, аж жуть!* и *Нет, ребята, всё не так!* [*Всё не так, ребята!*]. Они могут служить средством оценки практически любых явлений.

Широкая распространённость некоторых строчек и песен обусловлена и общим характером современного публицистического дискурса, ориентированного на иронию разного рода — от комического до саркастического тонов. Строки из шуточных и сатирических песен используются журналистами для оценки общественно-политических событий, явлений, настроений, ср.: *«Но почему же мы всё-таки вошли? [в Афганистан] Наверно, один из самых хлёстких ответов дал Владимир Высоцкий, когда он, вроде бы по другому поводу, писал: “А мужик, купец и воин попал в дремучий лес, кто — зачем, кто — с перепоя, а кто сдуру в чащу лез”»* (Независимая газ. 1994).

Выделенные нами языковые качества фрагментов авторской песни отражают многочисленные **проявления диалогичности**, заложенные в самой **структуре фраз**. Формы императива и формы первого лица, открытая оценочность, разговорные выражения и др. воздействуют на читателя или слушателя, предполагая его отклик, соучастие и сопереживание.

Соглашаясь со строками поэтов или оспаривая их, журналисты осуществляют с ними своеобразный диалог, что усложняет общий **характер диалогических отношений**, приобретающих многостороннюю направленность. С одной стороны, происходит диалог между читателем и журналистом, с другой — между журналистом и текстом цитируемой им песни и её автором. В процессе «общения» текст песни и его строки подвергаются интерпретации как со стороны журналиста, так и со стороны читателя. Многократная интерпретация текстов песен свидетельствует о присвоении их социумом, об их вхождении в некое общее когнитивное пространство.

На освоение строк из авторской песни повлиял также **формальный фактор. Песенно-поэтический жанр** источника способствует надёжности запоминания его фрагментов, что обеспечивается, с одной стороны, ритмической организацией, а с другой — мелодическими ассоциациями, связанными не только с музыкальной стороной, но и своеобразием исполнения автора, его тембром голоса. Анализ **композиционной роли** фрагментов авторской песни в первоисточнике показал, что популярными чаще всего становятся фразы, занимающие в песне сильные позиции (рефрены, зачины и концовки, кульминационные в мелодическом отношении строки).

В журнально-газетных публикациях фрагменты песен могут занимать разнообразные **текстовые позиции**. Особо стоит отметить расположение цитаты в заголовочной части, что дополнительно выделяет чужое слово в тексте публикации и усиливает его функциональную нагрузку. Чужое слово в этом случае является не только средством привлечения внимания к материалу и его оценки, оно становится средством установления контакта между журналистом и читателем, задаёт общую тональность их «общения». В заголовочную часть, как правило, помещаются хорошо известные фразы, не требующие ссылки на источник, поэтому строки Высоцкого и Окуджавы используются в заголовках намного активнее, чем строки Галича, который менее известен широкому слушателю. Выразительность чужого слова в заголовках нередко усиливается за счёт его трансформации: как показала наша выборка по газете «Труд-7» (1996–2001 и 2007 гг.), каждая третья фраза Окуджавы и Высоцкого предстаёт в заголовках в изменённом виде.

Третья глава «Семантико-стилистическое и структурное варьирование фрагментов авторской песни в современной газетной речи» посвящена рассмотрению многочисленных трансформаций, которым цитаты из текстов авторской песни подвергаются в газетно-журнальной речи. В нашей работе описано 16 основных типов семантико-стилистических и структурно-семантических модификаций строк Окуджавы, Высоцкого и Галича. Данные типы модификаций представлены разнообразными приёмами их реализации в текстах статей.

Первый параграф главы связан с рассмотрением **семантико-стилистических трансформаций цитат в текстах газетных статей**. Среди них мы выделили: буквализацию, переосмысление, двойную актуализацию и смысловое упрощение.

При **буквализации** журналисты используют чужие высказывания, указывающие на объект их речи или объект, задействованный в сюжете статьи. Таково, например, использование названия песни Высоцкого *Кони привередливые* в качестве заголовка к материалам о курьёзных случаях с лошадьми (Алфавит. 2002) или о проблемах конноспортивной базы (Моск. комсомолец. 1987). При таком цитировании явно утрачивается связанный с конями образ (судьбы), который создаёт поэт в песне-источнике. Фраза Галича *Когда я вернусь...* в заголовках часто подвергается семантическим трансформациям, когда центром её становится буквальное значение предиката. Так, в статьях о русских спортсменах и учёных, уезжающих работать за границу добровольно (Моск. комсомолец. 1989; 2003), тема ностальгии сохраняется, но семантику изгнания цитата в этих случаях теряет. Ещё дальше от исходного смысла первоисточника отходит её использование в материалах, посвящённых психическим расстройствам вернувшихся из Чечни солдат (Комсом. правда. 1995) и даже — реабилитации женщины после родов (Профиль. 1998).

С буквализацией соотносится **переосмысление** — изменение значения одного из элементов цитаты, что приводит и к изменению смысла всего выражения. Переосмысление особенно продуктивно в тех случаях, когда в составе

цитаты есть многозначные слова. Так, в цитатах из песни Окуджавы «Голубой шарик» *Девочка плачет — шарик улетел* и *А шарик летит*, озаглавливающих статьи о воздухоплателях (Коммерсантъ. 1998; Комсом. правда. 1990) и ёлочных украшениях (Комсом. правда. 2001; Век. 2001), обыгрывается многозначность слова *шарик*. В основе переосмысления может лежать и узуальное значение лексической единицы, например, в заголовке с трансформированной цитатой из песни Визбора *Зато мы делаем рокецких* (губернатор Л. Рокецкий набрал небольшое количество голосов; Изв. 2001) обыгрывается глагол «делать», приобретающий жаргонное значение. Переосмысление может происходить на основе столкновения двух прецедентных текстов. Так, фраза Высоцкого *Если друг оказался вдруг* часто озаглавливает материалы, посвящённые собакам или вообще животным (Куранты 1992; Неделя. 1993 и др.).

В цитатах, подвергшихся буквализации и переосмыслению, «размывается» значение первоисточника, часто утрачивается исходная выразительность, а это ведёт к тому, что соответствующие выражения превращаются в устойчивые единицы, или, по определению С. Г. Шулежковой, в «безымянные» фразеологизмы.

Другим видом семантической трансформации является **двойная актуализация цитаты**, в результате чего создаётся двойной семантический план. Например, в качестве заголовка к статье об известной телепередаче «Подробности» использовано выражение Галича *А из зала кричат: Давай «Подробности»!* (Рос. газ. 1994). Двойной смысл возникает за счёт обыгрывания слова *подробности*, с одной стороны, как собственного наименования передачи, с другой — как имени нарицательного. Двойной семантический план может создаваться за счёт графической игры, например, в заголовке с цитатой из Высоцкого («Настоящих буйных мало») **НАСТОЯЩИХ банков мало** (планируется поднять минимальную сумму уставного капитала банков; Экономика и жизнь. 2000). При данном графическом выделении наблюдается актуализация смысла сразу трёх лексических единиц: «настоящих», «стоящих» и «стоящих». Как видим, при подобных трансформациях первоначальный смысл цитаты не утрачивается (как при буквализации) и цитата выступает в роли того интертекстуального фрагмента, который связывает содержание газетной статьи с песней-источником. Но при этом за счёт языковой игры цитата получает ещё один семантический план, более важный, потому что соотносится с «сиюминутной» действительностью.

Двойной актуализации противостоит **смысловое упрощение**, зафиксированное нами при рассмотрении внутритекстовых цитат. Так, строчка Галича *Мы поимённо вспомним всех, кто поднял руку* в песне-источнике имеет двойной смысл (поднять руку при голосовании и «покуситься» на кого-либо). Публикации же могут апеллировать только к одному из этих смыслов, ср.: «*Был продемонстрирован грозный лужковский плакат: “Мы поимённо вспомним всех, кто поднял руку на Лужкова!”*» (Коммерсантъ. 1999).

Второй параграф главы посвящён **структурно-семантическим трансформациям цитат**. Изменения внешней формы чужого высказывания, как по-

казал наш анализ, довольно разнообразны. Прежде всего, они связаны с преобразованиями лексического состава фразы — с его заменой, расширением, сокращением, расположением в тексте.

Самым распространённым видом структурной трансформации является **лексическая замена одного или нескольких компонентов** цитаты.

Замена может производиться на семантически близкое слово. Одной из самых продуктивных в этом отношении является фраза Высоцкого *Идёт охота на волков*, где меняется наименование объекта «охоты». Только в одной газете «Труд» и её электронном варианте (за 2001–2005 гг.) кроме точной цитаты встречены следующие: *Идёт охота на волков*: на волков → *на ворон, на клопов, на собак, на саранчу, на тюленей, на лосей, на клещей, на грачей* и др. Фиксируется и иная замена — на наименования определённых групп людей: *на детей, на путан, на бухгалтеров*. При этом в результате замены последнего компонента меняется и значение первой части фразы *идёт охота*.

Замена на семантически близкое слово наблюдается и при цитировании фразы Окуджавы *Бери шинель — пошли / иди домой*. Данная фраза предполагает определённую профессиональную группу, благодаря чему она озаглавливает многочисленные материалы, посвящённые демобилизации, выводу войск, выдаче квартир военнослужащим и под. (более 50 контекстов). Метонимически на вид деятельности указывают замены второго компонента в заголовках: *Бери рояль, пошли домой* (о сложностях вступления в Союз композиторов; Советская культура. 1987); *Бери модем, пошли домой* (с программиста, которого обвиняют в распространении компьютерного вируса, сняты обвинения; Сегодня. 2000.); *Бери портфель, пошли домой...* (о грядущих отставках министров; Сегодня. Киев, 2000).

Другим видом замены компонентов является замена на слова с противоположным значением. В отличие от предыдущего вида такая трансформация несёт дополнительную нагрузку — интригует читателя, ср. использование строки из песни Окуджавы: *А всё-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем [// поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа]* → *А всё-таки жаль, что всё можно с Александром Сергеевичем* (имя Пушкина в год юбилея активно используют для рекламы, а его рукописи до сих пор не расшифрованы; Новая газ. 1999);

При замене компонентов используется и замена на созвучное слово. Например, трансформация в заголовках популярной строки Галича: *Промолчи — попадёшь в палачи*: палачи → *стукачи* (Коммерсантъ. 1999; Общая газ. 2000) или *толмачи* (<http://dharma.org.ru>: 7.12.2007). Более экспрессивно и неожиданно выглядят те случаи, где наблюдается фонетическая игра, ср.: *И Комиссаров в чёрном фраке склонится над чужим бельём* (о ведущем популярной телепередачи В. Комиссарове; Общ. газ. 1998); *«Друг, оставь пол-Курил!»* (Аргументы и факты. 2005) или *Лучше гор может быть только Гоа* (о популярном курорте; Туризм и отдых. 2006).

Постоянная замена частей известного выражения превращает его в устойчивую синтаксическую конструкцию с переменным составом

компонентов. В нашем материале представлено более двадцати подобных конструкций, сложившихся на основе таких выражений, как: *Лучше гор могут быть только горы; Идёт охота на волков; Страшно, аж жусть!; Бери шинель, пошли домой; Живописцы, окуните ваши кисти; Вы рисуйте, вы рисуйте — вам зачтётся; Израильская военщина известна всему свету; Как живёте, караси?; Зато мы делаем ракеты; А также в области балета* и др.

Сокращение и расширение компонентного состава чужого выражения прежде всего направлены на адаптацию к материалу публикации. Например, усечение названия города во фразе Высоцкого *Открыт закрытый порт Владивосток* позволяет адаптировать её к материалам о других городах (об открытии Калининграда и Феодосии для зарубежных туристов; Моск. новости. 1990.; Комсом. правда. 1991). Вставка или присоединение компонентов помогают уточнить тему публикации, ср.: использование фразы Окуджавы *Письмецо в конверте* (которая является усечённым вариантом строчки «Письмецо в конверте погоди — не рви...»): *Письмецо в импортном конверте* (Советская Россия. 1996) или *Письмецо в конверте... и по электронной почте* (Труд. 2002).

Сокращение и расширение компонентного состава служат средством создания стилистических фигур. На основе эллиптических вариантов высказывания реализуется такой стилистический приём, как апосиопеза — умолчание. Например, в следующем заголовке с цитатой из песни Окуджавы: *Фотограф щёлкает и...* (о новом фотоконкурсе; Москвичка. 2008). Усечение фразы продиктовано тем, что результат события, о котором сообщает журналист, ещё неизвестен. В некоторых заголовках сокращение высказывания направлено на актуализацию нередуцированной части выражения, например, в сокращённой фразе Окуджавы из заголовка *Давайте говорить друг другу* (президент решил регулярно беседовать с согражданами на телеканале; Лит. газ. 2009) делается акцент на слове *говорить*, т. е. на важности разговора.

Продолжение состава чужого выражения часто служит основой для создания парцеллированных конструкций. Присоединённые компоненты — парцелляты — «привязывают» чужое выражение к предмету речи, создавая в высказывании дополнительный рематический центр. Например, в следующих заголовках с популярной фразой Высоцкого: *Лучше гор могут быть только горы. Альпийские* или *Лучше гор могут быть только горы. Если они в Кемере* (Моск. правда. 1998 и 1999). В некоторых случаях при продолжении чужого высказывания авторы публикаций могут обыгрывать его стихотворную форму, привнося в выражение собственную рифму или ритм, как в следующих заголовках: *Стали тихими наши дворы — без детворы* (во дворах нет спортивных площадок для детей; Рос. газ. 2000); *Зато мы делаем ракеты... // ...И Кучму слушаем с кассеты* (о прослушивании переговоров президентов России и Украины; Сегодня. 2001).

Изменения в расположении компонентов цитаты, как правило, встречаются в чужих выражениях, использованных в основном тексте публикации, т. к. подобная трансформация занимает довольно большой объём текстового пространства. Однако в заголовках встречаются и перестановки, обыгрываю-

щие чужое выражение и меняющие его основное значение. Так, перестановка компонентов в выражении Галича *Молчальники вышли в начальники* сопровождается изменением субъектно-предикатных отношений в следующем заголовке *Начальники вышли в молчальники* (о том, что чиновники разговаривают с гражданами только накануне выборов, а после — их не слышно и не видно; Профиль. 2001).

Среди преобразований лексического состава чужого слова мы отдельно выделили **вычленение ключевых компонентов** и **контаминацию фраз**. Своеобразие этих типов трансформаций заключается в том, что они демонстрируют возможности фрагментов из авторской песни выступать в качестве особых прецедентных феноменов, а именно: с одной стороны, служить основой для создания прецедентных имён (*товарищ Парамонова, передовик Клим Петрович, Зина и Ваня*) и образов-символов (*синий троллейбус, голубой шарик*), а с другой — взаимодействовать с прецедентными единицами из других сфер-источников (например, заголовок *Татьяна Никитична громко плачет, а мячик плывёт* к статье о творчестве Т.Н. Толстой; Консерватор. 2003).

Другим видом изменений внешней формы чужого высказывания являются семантико-грамматические трансформации фразы.

Морфологические и синтаксические преобразования, как правило, в наименьшей степени отражают своеобразие употребления фраз в тексте (ср.: *Надеешься / надеются / надеется только на крепость рук*) и чаще всего являются вторичными, следующими за другими типами трансформаций, например, за заменой компонентов (ср.: *Лучше евро может быть только евро*). Хотя иногда преобразование глагольного компонента служит средством указания на отношение говорящего к описываемому событию. Изменение категории лица в заголовке с фразой Высоцкого *Так оставьте ненужные споры* → *Оставим ненужные споры* (какими будут инфляция и курс доллара, сегодня не знает никто; Экономика и жизнь. 1999) говорит о позиции журналиста, не отстраняющегося от события, а включающего себя в то действие, к которому призывает. В некоторых случаях синтаксические преобразования могут привести к полному изменению смысла высказывания, ср.: *Промолчи — попадёшь в палачи* (Галич) → *Не молчи, попадёшь к палачу* (что говорят и предпринимают журналисты, чтобы попасть к главам государств на интервью; Новая газ. 2000).

К семантико-синтаксическим преобразованиям также относятся **изменение выражений по цели высказывания** и **переход утвердительных форм в отрицательные**. Выделение их в отдельные типы трансформаций обусловлено, с одной стороны, их продуктивностью в современных газетно-журнальных текстах, а с другой — их дополнительными возможностями.

Преобразование исходных повествовательных конструкций в побудительные или вопросительные способствует диалогизации высказывания, например, в заголовках *С войной покончили мы счёты?* (многочисленные материалы о некоторых фактах истории Отечественной войны 1941–1945 гг., её последствиях, массовых захоронениях и др.). Трансформация по цели высказывания строки Окуджавы *Бери шинель, пошли домой* даёт возможность описать

большое количество ситуаций (с разными смысловыми отношениями между частями фразы), ср.: *Завод стоит, иди домой* (о кризисе в экономике и производстве; Правда. 1993); *Не взяв шинель, ушёл домой* (офицер три года не возвращался из отпуска; Труд-7. 2001); *Кому — шинель, кому — домой* (о телешоу «За стеклом»: «маленькие люди» пытаются заработать на новую «шинель», а невезучих отправляют домой; Век. 2001).

Переход утвердительных форм в отрицательные интригует читателя, создаёт «игровые» отношения в газетном тексте, ср.: *Мой друг уехал в Магадан* (Высоцкий) → *«Мой друг уехал. Не в Магадан. В Магадан теперь не ездят. В Москву. Хотел кино снимать»* (Лит. Россия. 2003).

Помимо семантико-грамматических трансформаций фразы и преобразований её лексического состава мы отдельно рассмотрели такой тип структурно-семантической модификации чужого текста, как **пересказ**. К пересказу журналисты обращаются, чтобы напомнить сюжет песни, воспроизвести реалии времени, которые она зафиксировала. Пересказ может выполнять сюжетообразующую функцию, когда строчки из песни пронизывают весь текст статьи, организуют движение мысли её автора.

Третий параграф главы «**Стилистическое звучание цитат из авторской песни в прессе**» посвящён рассмотрению соотношения эмоционально-экспрессивной тональности песни-источника и использующего её строки публицистического текста.

Эмоционально-экспрессивная тональность источника фразы может создавать тональность текста публикации — строки из песни настраивают на определённое восприятие, служат своего рода камертоном. На печально-ироничное восприятие материала настраивает использование в заголовке первой строчки припева из шутовой песни Визбора «Рассказ технолога Петухова», ср.: *Зато мы делаем ракеты* (высок уровень детской смертности, Подмоск. изв. 1995; об отсутствии нормальной питьевой воды в г. Королёве, Моск. комсомолец. 2001). Тексты газетных публикаций, как и текст песни барда, «обнажают» проблемы современной им действительности при кажущемся внешнем благополучии и даже наличии достижений.

Определяя тональность газетного текста, песенные фразы помогают журналистам одновременно обобщить (уточнить, усилить) свою мысль и дать оценку описываемому факту, ср.: *«Прошёл созванный московской писательской организацией Конгресс молодой интеллигенции <...> Всё происходящее легко умещалось в строку Высоцкого: “Собралась, умывшись чисто, во поле элита. Думали, как выйти из этого палеолита”»* (Моск. новости. 1997).

Семантические и структурные преобразования фрагментов авторской песни сопровождаются стилистическими сдвигами, что позволяет фразам придавать публицистической речи многообразные стилистические оттенки — от высокого до сниженного, от лирического до иронического «звучания» газетно-журнального текста. Сами фразы при этом могут претерпевать семантико-стилистические деформации.

С одной стороны, это отражается в **стилистической нейтрализации**. Стилистической нейтрализации подверглось выражение Галича *Облака плывут, облака*. Эта фраза озаглавливает статьи, посвящённые прогнозам погоды (Веч. клуб. 1994; Рос. газ. 1998) или проблеме «вредных» производственных облаков в больших городах (Megapolis-express. 1991; Новая ежедн. газ. 1995). При таком использовании горько-ироническая, надрывно-трагическая тональность фразы, повторяющейся в песне несколько раз, утрачивается.

Другим видом семантико-стилистической деформации является **смена эмоционально-экспрессивной тональности** (как правило, с лирической на ироническую). Например, в статье «Московского комсомольца» для описания современного состояния политической ситуации используются популярные строчки из лирической песни Окуджавы «Белорусский вокзал»: *«Со своей стороны, оппозиция выдвинула пятерку претендентов на президентский пост, которые в самый последний момент назовут своего единого кандидата. Оппозиции нужна победа — одна на всех: завалить Лукашенко. И за ценой оппозиция тоже не постоит»* (2001). Как видим, исходные патетические интонации песни приобретают саркастические оттенки. Ср. в других заголовках: *Он сегодня вернулся из боя...* (электropоезда «возвращаются с маршрутов как с поля боя»; Моск. правда. 2005) или *Женщина плачет. Мейсон заболел* (о любви к сериалам, Мейсон — герой популярного сериала; Рос. газ. 1998). В отдельных случаях строки авторов-исполнителей закрепляются в речевой культуре уже в стилистически модифицированном виде. Так, некоторые фразы из военных и лирических песен Окуджавы и Высоцкого используются в настоящее время как шутливые или ироничные — *Бери шинель, пошли домой; Друг, оставь покурить!; Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!* и другие.

В **Заключении** представлены основные результаты исследования. Широкую распространённость цитат из текстов авторской песни 1950–80-х гг. в современной речи обеспечила взаимосвязь трёх факторов — социокультурного, внутриязыкового и формального. Показателями вхождения фраз Окуджавы, Высоцкого и Галича в фонд крылатых выражений (и шире — фразеологический фонд) являются многообразные проявления семантико-стилистического и структурного варьирования цитат. Фразеологизация фрагментов текстов авторской песни, которую демонстрируют в настоящее время газетно-публицистические материалы, ещё раз свидетельствует об особой значимости этого вида *чужого* слова для русской культуры.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В журнале, входящем в реестр ВАК

1. Песенные цитаты в современной газетной речи // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2009. № 1. С. 151–157.

В сборниках научных трудов и материалов научных конференций

2. К вопросу о коммуникативном потенциале чужого слова в газетном заголовке: (На материале заголовков, взятых из текстов В. Высоцкого) // Языко-

вая личность — текст — дискурс: Теоретические и прикладные аспекты исследования: Материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Самара: «Самарский университет», 2006. С. 239–242.

3. Функционирование текстов песен В. Высоцкого в газетных заголовках // Владимир Высоцкий в контексте художественной культуры: Сб. науч. ст. Самара: СГУ, 2006. С. 262–271.

4. Функционирование чужого слова в газетных заголовках: (На материале авторской песни В. Высоцкого, Б. Окуджавы и Ю. Визбора) // Междунар. конф. «Язык СМИ: от Ломоносова до наших дней»: Москва, 22–23 нояб. 2007 г. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова: Союз журналистов России, 2007. С. 328–334.

5. Текст в культуре: (На материале одной песни Ю. Визбора) // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы VIII-й междунар. науч. конф. М.: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2008. С. 201–203.

6. Песни Высоцкого как источник чужого слова // Владимир Высоцкий: Исследования и материалы 2007. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 213–226.

7. Окуджава и Высоцкий в русской речи: Опыт сравнит. анализа / В соавт. с И. А. Некрасовым // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 5. М.: Булат, 2008. С. 464–483.

8. Авторская песня как источник пополнения фразеологического фонда русской речи // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: Материалы междунар. науч. симп. 4–6 мая 2009 г. Вел. Новгород, 2009. С. 369–372.

9. Образ Окуджавы в современной речевой культуре // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 6. М.: Булат, 2009. С. 183–197.

10. Слово Галича в журнально-газетных текстах: аспекты функционирования // Галич: Новые ст. и материалы / Сост. А. Е. Крылов. Вып. 3. М.: Булат, 2009. С. 193–228.

11. Функции цитат в текстах масс-медиа: (На материале цитат из песен А. Галича) // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы IX междунар. науч. конф. (Ульяновск, 13–16 мая 2009 г.). М.: Институт языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2009. С. 135–137.

12. Цитаты из произведений Б. Ш. Окуджавы в газетных заголовках // Булат Окуджава. Опыты молодых: материалы I науч.-практ. конф. молодых учёных, 12 апреля 2008 г., Переделкино. 2-е изд., испр. М.; Магадан: Изд-во Северо-Восточного государственного университета, 2011. С. 55–59.

13. Мотивы обращения к крылатым выражениям и цитатам из песен В. С. Высоцкого в газетно-журнальной речи // Владимир Высоцкий: исслед. и материалы 2009–2011 гг. Воронеж: ВГПУ: Планета, 2011. С. 247–257.

14. Цитата как средство создания языковой игры: (На материале цитат из авторской песни) // Языковая образность в свете разных исследовательских подходов: (Материалы регион. науч. конф. с междунар. участием). Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2011. С. 129–134.

15. Социокультурная интерпретация текстов авторской песни в современной прессе // Язык — текст — дискурс: Проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: Материалы междунар. науч. конф. Самара: Универс групп, 2011. С. 193–195.